

МОЛЧАНОВА Е. К.

АНАФОРА И ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

(На материале таджикской разговорной речи)

В баснях И. А. Крылова нередко личные притяжательные местоимения *мой* и *наш* употребляются непритяжательно. Например:

Зачаканный Голик попал в большую честь —
 Уж он полов не будет в кухнях мечь:
 Ему поручены господские кафтаны

 Вот развозился *мой* Голик:
 По платью барскому без усталы колотит
 И на кафтанах он как будто рожь молотит...
 («Голик»)

Или:

Невеста-девушка смышляла жениха...
 Вот *наша* девушка уж стала девою зрелой
 («Разборчивая невеста»)

В приведенных образцах (курсив везде наш — *М. Е.*) личное притяжательное местоимение со всей очевидностью отражает не объективную посессивную связь, но ситуационную (голик, в действительности, не «мой», девушка — не «наша»). Речь, следовательно, идет о референциальном статусе личных притяжательных местоимений, или о типе соотносительности с внеязыковыми объектами. Напомним, как определяют термины «референция», «референциальный статус» авторы обобщающих отечественных работ по этой проблематике Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева. «Референция — это отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [1, с. 6]; референция — это «соотнесение высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире или ... в универсуме речи. Референция — это соотносительность с индивидуальными, единичными предметами и ситуациями» [2, с. 1], см. также [3, с. 3, 8]. «Тип соотносительности именной группы с внеязыковыми объектами мы называем ее денотативным (или референциальным) статусом» [2, с. 12]; см. также [3, с. 83].

Вернемся к нашей невесте и к нашему Голику. В толковом словаре Д. Н. Ушакова в статье *мой* дается как оттенок значения: «тот, который в данный момент является предметом обсуждения (с точки зрения говорящего)» [4, II, с. 244]. См. сходные формулировки (по поводу *мой* и *наш*) в академической грамматике 1952 г. и в словаре под ред. А. П. Евгеньевой [5, с. 393; 6, II, с. 417]. Констатируя по существу анафорическую функцию личных местоимений, им не отказывают окончательно в посессивном, или притяжательном, значении. Высказывалось также мне-

ние (О. Н. Селиверстова, устно, см. также [7]) о сфере посессивности говорящего или говорящего и его собеседника¹.

Можно заметить, что приведенные нами вначале литературные образцы отличаются непринужденностью и стилистической (иронической) окрашенностью. Почти нейтральный стиль наблюдается в лермонтовской «Тамани»: *Я поднял глаза; на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. ... она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то за-песала снова песню.* Далее приводится текст песни и эпизод разговора девушки со старухой. И затем: *И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина...*, через несколько фраз: *Моей певунье казалось не более 18 лет* (ундина — в средневековых поверьях — дух воды в образе женщины).

По мнению некоторых русистов, литературные образцы такого рода представляют собою специальный прием авторской речи, имитацию беседы с читателем; цель приема — создание более интимной атмосферы; считают, что эти образцы следует отграничивать от собственно разговорной речи.

В русской разговорной речи также встречаются подобные употребления *мой, наш*. Допустим, говорящий передает свою беседу с незнакомым стариком: *...Я себе говорю, говорю, а мой старичок, оказывается, спит давно* (или: *а моего старичка и след простыл*, или: *вдруг мой старичок...*). Местоимение *наш* употребят, если речь идет более чем от одного лица (*вдруг наш старичок...*). Экспрессия ошутима и здесь (помимо местоимения, она передается еще уменьшительным суффиксом существительного).

У русского личного притяжательного местоимения 2-го л. ед. ч. *твой* в словаре Д. Н. Ушакова отмечен оттенок значения: «Угодный, близкий тебе» с пометой «разг.» [4, IV, с. 662]. Приводимый пример (*Оба вы хороши с твоим Сергеем!*) не документирован и дан без контекста. См. аналогично *ваш* [4, I, с. 229; 6, I, с. 139]. В словаре А. П. Евгеньевой дается как оттенок значения *твой*: «Разг. Имеющий какое-л. отношение к тебе, занимающий, интересующий тебя» [6, IV, с. 344].

Условие такого (на наш взгляд, анафорического) употребления — речевая ситуация, которой предшествует упоминание соответствующего объекта, либо общность знания (или восприятия) собеседников об этом объекте. Едва ли скажут: *Оба вы хороши с твоим Сергеем!*, если Сергея не знают или он не находится в общем поле зрения, или о нем предварительно не упоминалось². Другое условие — определенная эмоциональная окраска речи — фамильярная, пренебрежительная, неодобрительная или раздражительная: *Надоели вы мне с Вашим Иваном Ивановичем* (цит. по [11]). Или, например, в таком диалоге: — *С Вами хочет поговорить какой-то мальчик. — Никогда мне говорить с твоим / Вашим мальчиком!* Или: — *Ну, vedi(те) сюда твоего (Вашего) / своего мальчика.* Здесь *твой /*

¹ Е. М. Вольф говорит в сходных случаях (на иберо-романском материале) о контекстном значении посессива [8, с. 94 и сл.]. В связи с нестандартным, «неканоническим» употреблением личных местоимений см. также статью Т. В. Цивьян [9] о некоторых «фоновых» аспектах посессивности в балканских языках. В статье приводятся фольклорные материалы с местоимениями 1-го лица, в том числе с клитическими (косвенного падежа — Dat./Gen.) местоименными показателями посессивности, передающими, по мнению автора, «интенциональное владение». См. там же о комплиментарном значении притяжательных местоимений в обращениях (типа *дерево, деревце мое*).

² См. употребление *твой* а также *свой*) с так называемыми именами ситуации: — *Ну, как, окончился твой телефон?* [10], т. е. известные говорящему хлопоты собеседника об установке телефона.

Ваш — «тот, о ком ты/Вы говорил(и) и тем самым связанный с тобой/с Вами». Анафоричность личного местоимения подтверждается возможностью одновременного использования местоимения указательного: — *Ну, где там этот Ваш мальчик?* (см. также [11]).

Можно допустить аналогичную конструкцию с притяжательным местоимением 3-го л. ед. (или мн.) ч.: — *Не уходите, Миша говорил, что к нам зайдет слесарь. — Что-то (этот) его слесарь не торопится...* Эмоциональная окраска (иронический или несколько пренебрежительный оттенок) присутствует и здесь. Таким образом, в русской разговорной речи анафорическое употребление лично-притяжательных местоимений, как кажется, обусловлено стилистически.

Аналог (хотя и неадекватный) рассмотренных русских образцов³ часто встречается в современной таджикской разговорной речи (в том числе, диалектной). Имеется в виду анафорическое употребление таджикского лично-притяжательного энклитического местоимения 3-го л. ед. ч. *-аш* (далее — ЭМ *-аш*)⁴. Приведем в качестве иллюстрации начало телефонного разговора (звонок в редакцию, к Ходже Насреддину⁵: (1) — *Ман... Суннатулло Мирзоев аз Совети қишлоғи Рӯдакӣ гап мезанам, — худро шиносонд соҳиби овоз. — Келини Моҳтоббӣ бача кард. — Моҳтоббӣ биҷаи кӣ? — дайрон шуд Хоҷа* (ТС-84, 1 янв.) «Говорит Суннатулло Мирзоев из сельсовета Рудаки, — представился говорящий. Невестка Моҳтоббӣ родила ребенка. — А кто такая эта (букв. «его/ее») Моҳтоббӣ? — удивился Ходжа».

В *Моҳтоббӣяш* ЭМ *-аш* (вариант *-аш*) используется не как местоимение повтора (замена упомянутого прежде имени), но как ссылка на предтекст, в данном случае — на само предшествующее упоминание имени собственного в речи собеседника: *Моҳтоббӣяш* — это «Моҳтоббӣ, о которой шла речь выше» = «эта (самая) Моҳтоббӣ».

Именно анафорические употребления ЭМ *-аш* являются предметом настоящей статьи. Материалом послужили: 1) литературные произведения (проза) современных таджикских писателей, включающие разговорную речь⁶; 2) записи диалектной речи [12—15]; 3) сведения, полученные от таджиков-информантов⁷.

³ О расхождении см. ниже.

⁴ Сходные употребления имеют место и в других иранских языках и диалектах, особенно в разговорной речи. Специально этот вопрос не изучался.

⁵ Ходжа Насреддин (Афандӣ) и Мулла Мушфиқ — постоянные персонажи юмористических рассказов и анекдотов, в частности, публикуемых на специальной странице современной таджикской газеты «Литература и искусство». В этом жанре широко используется разговорная и даже диалектная речь.

⁶ В статье приняты следующие сокращения источников: журнал «Садои Шарқ» — СШ; газеты — «Маданияти Тоҷикистон» — МТ, она же, переименованная с 1984 г. в «Адабиёт ва санъат» — АС; «Тоҷикистони Совети» — ТС. Через дефис указан год издания, далее — номер или число, фамилия автора и название произведения. Наиболее часто цитируемые произведения (даются в виде аббревиатур и без ссылки на журнал): Мухаммадиев Ф. Варта. — СШ-83, № 9 — МВ; Баҳорӣ А. Шоҳидон. — СШ-84, № 2 — БШ; Баҳори А. Аз соҳили Варзоб то халиҷи Бискай. — СШ-83, № 6 — БА, Одинаев Ч. Ихтилофи оилай. — СШ-82, № 3 — ОИ; Эгамов Д. Агар ишқ ҳамин аст... — АС-84, 4.Х. — ЭА. Отдельные издания: Амонов Р. Навбахори чашмасор. Душанбе, 1976 — АН; Мухаммадиев Ф. Дар он дунё. — В кн.: Фазилиддин Мухаммадиев. Асарҳои мунтахаб. Ч. 2. Душанбе, 1980 — МД.

⁷ Автор выражает горячую признательность старшим научным сотрудникам Института языкознания АН СССР А. А. Керимовой (Алимовой), посетителю таджикского языка, за постоянные консультации и предоставленный ею фактический материал и О. Н. Селиверстовой, сделавшей ряд ценных замечаний по некоторым фрагментам статьи, а также научному сотруднику Института русского языка АН СССР Е. В. Красильниковой, любезно указавшей нам на работы П. Адамца.

Выше указывалось на принадлежность рассматриваемых таджикских моделей с ЭМ *-аш* разговорной речи, поэтому вполне естественно, что в грамматических описаниях таджикского литературного языка эти модели не упоминаются.

В таджикском языке личные местоимения представлены двумя разновидностями:

Тонические		Энклитические *
Ед. ч.	1-е л. <i>ман</i>	<i>-ам</i>
	2-е л. <i>ту</i>	<i>-ат</i>
	3-е л. <i>у, вай</i>	<i>-аш</i>
Мн. ч.	1-е л. <i>мо</i>	<i>-а мон</i>
	2-е л. <i>шумо</i>	<i>-атон</i>
	3-е л. <i>онҳо</i>	<i>-ашон</i>

Основной функцией ЭМ *-аш*, как и прочих ЭМ, в литературном языке считается выражение принадлежности или отношения к лицу: «его, ее» (различение по роду отсутствует) — в позиции после существительного (*бародар-аш* «его/ее брат») или после атрибутивного сочетания (*бародари калон-аш* «его/ее старший брат»). При этом ЭМ *-аш* является местоимением повтора, т. е. замещает ранее упоминавшееся существительное, личное (в большинстве случаев) или нарицательное [17], или тоническое личное местоимение 3-го лица. Например: (2) *Модаркалонам... чашимонашро бо нӯги остинаш пок карда, мудбате ба сукут рафт* (АН) «Бабушка... отерла глаза краем рукава, некоторое время помолчала» (*остин-аш* «ее рукав»); (3) — *Эҳ, агар ануштариро медодию ҳилаашро мефаҳмонӣ...* (БШ) «— Эх, если бы ты дал перстень и объяснил его секрет...» (*ҳила-аш-ро* «его секрет» = *ҳилаи ануштари-ро*).

Указание на анафорическое употребление ЭМ *-аш* встречается в некоторых работах по таджикской диалектологии. У В. С. Расторгуевой [12]: ЭМ 3-го л. ед. ч. *-аш* «часто используется с целью подчеркнуть, что речь идет именно о том предмете, который упоминался раньше, в предшествующем предложении или в словах собеседника»: (4) — *хонаи кӣ шиштен?* — *хонаи Сафар.* — *Сафари кӣ?* «— В чьем доме она живет? — В доме Сафара. — Кто этот Сафар?»; (5) — *масхара накун!* — *масхараи-а?* — «Не насмехайся! — Разве это насмешка?» — и др. (все примеры из варзобского говора). (См. также [13, 14]; обобщение по южным говорам [15], о чем ниже.)

Совместно с А. А. Керимовой мы проанализировали референтные возможности ЭМ 3-го л. ед. ч. *-аш* (в отличие от ЭМ 1-го и 2-го лица), позволяющие использовать его (ЭМ *-аш*) в функции, более свойственной указательным местоимениям, нежели личным. В таджикской разговорной речи выявляются следующие особенности примененного употребления ЭМ *-аш*, обусловленные коммуникативной ситуацией⁹.

⁸ Или местоименные суффиксы [16, с. 551] Таджикские ЭМ восходят к древнеиранским ЭМ, в частности, тадж. *-аш* — к древнеперсидскому ЭМ род.-дат. падежа *-šāy*. Последнее, указательно по происхождению, фактически использовалось как личное (3-е л. ед. ч.).

⁹ Приводимая рубрикация не является жесткой. Конкретный материал иногда трудно поддается классификации. Ср. сходные трудности — промежуточные употребления — при анализе русского демонстратива [18, с. 90] и балканских посессивов [9, с. 85].

I. Таджикские вокативные (эвфемистические) термины родства свидетельствуют, что референтом (или денотатом) ЭМ *-аш* может быть лицо, не упомянутое ранее и даже не находящееся в данный момент в поле зрения собеседников, но хорошо известное им. Ср. обращение жены к мужу: *дадош* «отец» (букв. «его/ее отец»), мужа к жене: *очаш* «мать» (букв. «его/ее мать»), жены к брату мужа: *амакаш* «дядя» (букв. «его/ее дядя») и т. п. — с говорными фонетическими и лексическими разновидностями. В этих терминах родства ЭМ *-аш* служит ссылкой на старшего ребенка в семье (поскольку обычай не позволял супругам обращаться друг к другу по имени)¹⁰.

II. В выражениях типа *нархам 20 тин* «цена (букв. «цена его/ее») 20 коп.» (на обложке книги); *давомаш дар сах. 5* «продолжение (букв. «продолжение его/ее») на стр. 5», *аввалаш дар сах. 3* «начало на стр. 3» и т. п. (в периодике) — ЭМ *-аш* служит указанием на объект (книгу, публикацию), не названный, но находящийся непосредственно в поле видимости читателя.

III. При именах с лексическим значением времени ЭМ *-аш* служит указанием на неназванный (но подразумеваемый) конкретный временной ориентир, точку отсчета: бухарск. *шабаш бет* «приходите (сегодня) вечером», т. е. вечером (*шаб*) текущего дня; *пагеш* (разг. *пагодаш*) «на следующий день» (*пага*, *пагоҳ* «завтра») после текущего.

IV. ЭМ *-аш* может быть предназначено для референции к конкретной ситуации, наблюдаемой или хорошо известной участникам речевого акта. Например, в реплике: (6) — *Хосияташ бад* «плохая примета» (СП-83 № 6. Самадов А. Пийёлаи шикаста) — в связи с тем, что за столом, где принимают гостя, разбилась пиала с чаем (*хосият-аш* букв. «особенность-его»); (7) — *Э, ҳамин чангаш/пйлаш!* «Ой, да там пыль!» (букв. «эта самая пыль-его») — говорится в ответ на предложение вернуться в комнату, где убрали обломки обвалившегося потолка.

Имеется ряд устойчивых сочетаний с ЭМ *-аш*, применяемых к конкретному случаю: *бало ба пасаш* «шут с ним» (букв. «беда ему вслед»); *зоҳ бар сараш* «пропади оно пропадом» (букв. «спрач на его голову»); *он тарафаш* «все остальное» (букв. «та сторона-его») и т. п. Первые два могут употребляться и по отношению к конкретному лицу.

V. Референтом ЭМ *-аш* может быть комплексный объект или комплексная ситуация (известная собеседникам), частью которой является денотат имени: (8) бухарск. *хозир мӯд шудас: ангуштарин, ҳамқеш, ана бо (< боз) инчеш* «теперь стало модно (носить) перстень, серьги (букв. «серьги-его») и еще вот здесь» (букв. «вот здесь-его») — говорящая показывает на грудь, имея в виду брошь).

VI. Можно, по-видимому, говорить и о таком употреблении ЭМ *-аш*, которое называют отсылкой к информированности адресата, обращением к совместному опыту говорящего и адресата, напоминанием [19, с. 493; 20, с. 76—78]. II. Адамец пишет об этой коммуникативной категории в связи с чешским указательным местоимением *ten* «этот»: *Kdy už konečně přijdeme do toho kina?* «Когда же, наконец, мы пойдем в это кино?» Здесь говорится не о каком-то определенном кино, а о том, что мы уже давно собираемся пойти в кино. «...речь идет о факте в целом, несмотря на то, что местоимения относятся непосредственно к существительным (напомни-

¹⁰ Случай нейтрализации *-аш* по лицу в лексикализованных ласкательных обращениях. Например, в Канибадаме мать — к сыну: *бачалки очаш* букв. «сынчик его матери», *бачачонаш*, *бачаякаш* букв. «ее сыночек»; в Бухаре: *бачеш* букв. «ее сыночек» и др.

вание о предметах как бы напоминает о фактах и ситуациях в целом)» [20, с. 77]. К. Тагал называет это явление неким анафорическим определением всего высказывания [19, с. 497, примеч. 12]. Характерной чертой «напоминающего» местоимения *ten* является его употребление с именами собственными, а также то, что оно может сопровождать все существительные в предложении: *Jak to, že ta babička nepřinesla ten kabát pro toho Martina?* букв. «Неужели эта бабушка не принесла то пальто для этого Мартина?» П. Адамец подчеркивает типичность и высокую частотность подобных предложений для чешской разговорной речи и видит в них одно из характерных отличий чешской разговорной речи от русской. В русском нечто подобное может выражаться частицей *-то*: *В Москву-то мы не поехали.*

Покажем таджикские образцы с ЭМ *-аш*, в том числе и при имени собственном. Диалог актера Рамиза, ушедшего из театра, и его приятеля, пытающегося устроить его на киностудию: (9) — *Ман гапзанон кардам, Ромиз... — Мон... лозим не... Театраги чӣ шуд, ки кинояи шавад. Хубаш кори деҳқонӣ* (СШ-83, № 11. Сорбон, Актер) «— Я поговорил, Рамиз... — Оставь... не надо... Не вышло в театре, не получится и в кино. Уж лучше крестьянская работа». Реплика собеседнику: (10) — *Ана ин Исматаш* «А вот и Исмат». В (9) ЭМ *-аш* — указание на известную обоим собеседникам и явно обсуждавшуюся ими ранее жизненную ситуацию, а именно, несложившуюся актерскую карьеру Рамиза; в (10) ЭМ *-аш* — отсылка к некоей предыстории (опять-таки общем достоянии собеседников), в связи с которой выступает на сцену и Исмат (ранее он мог не упоминаться).

Если в п. I—VI употребление ЭМ *-аш* тесно связано с коммуникативной ситуацией и общим фондом знаний коммуникантов, то в п. VII—X (см. ниже) оно (ЭМ *-аш*) по большей части коррелирует с анте- и постцедентами в тексте.

VII. В оборотах типа: а) *эбаш-катӣ* «к месту» (*эб* «подходящий, достойный», *-катӣ* — послелог совместности); б) *вахту соаташ-катӣ* «ко времени, в свое время» (разг. *вахт*, лит. *вакт* «время», *соат* «час») ¹¹; в) *дар мавридаш* «при подходящем случае»; — все, т. е. а), б), в) — в предикативной позиции и часто носят характер сентенций; г) *мавридаш ояд* «если представится случай» (*маврид* «случай, обстоятельство; момент, время») — в названных и подобных им оборотах ЭМ *-аш* имеет в виду обстоятельство, случай, акцию, чья уместность, своевременность обсуждается. При этом ЭМ *-аш* может быть анафорическим или катафорическим. В первом случае ему по большей части предшествует субстантивный антецедент, во втором — следует предикативный постцедент. Примеры: (11) — *Э бас, худ бо худ амр дод Саидбек, шиква ҳам эбаш-катӣ* (МВ) «Хватит, — приказал себе Саидбек, — хватит жаловаться», т. е. «жалоба тоже (должна быть) к месту»; (12) разг. *Ҳар кор вахту соаташ-катӣ* «Всякому делу свое время»; (13) *Ягон мавридаш ояд гап мезанам* [21] «Когда представится удобный момент, я скажу».

VIII. В оборотах с *кам-аш* «минимум» (*кам* «малый, -о») ЭМ *-аш*, употребляясь катафорически, служит отсылкой к тем объектам или событиям, минимальный уровень которых (по количеству или по значимости) оговаривается. Постцедент может быть субстантивным или предикативным: (14) *Ҳар як сокини Ҳуррамӣ ҳатто муаллимону дигар хидматчиен*

¹¹ Ср. русск. *свой* «подходящий, годный для данных обстоятельств, данного случая»: *Всякому овощу свое время* [4, IV, с. 102].

хам, камаш як ё ду гов ва даҳ-поздаҳ сар бузу гӯсфанд доранд (ОИ) «Каждый житель (деревни) Хуррами, даже учителя и другие служащие, имеет, самое меньшее, 1—2 коровы и 10—15 голов коз и овец».

IX. Референтом ЭМ *-аш* может быть класс, род объектов, некоторое множество однотипных объектов, иногда — понятие. Наиболее характерны модели типа: прилагательное¹² + *-аш*; указательное местоимение *ин* «этот» + *-аш*; *ин хел* «такой» + *-аш* — обычно с субстантивным антецедентом. Приведем примеры. (15) Сцена в сельпо: — Ягон чиз харидан ме-хоед? — Кордчаи алмос даркор, барои ришгирӣ... — Лекин аз он кордакҳои шумо мекофтагӣ нест. Медонам, ки ба шумо, муаллим, эронӣ ё полякиам даркор (БШ) «Хотите что-нибудь купить? — (Мне) нужны лезвия для бритвы... — Но тех лезвий, что Вы ищете, нет. Я знаю, что Вам, уважаемый, нужны иранские или польские». В сатирическом рассказе «Угощение» хозяйка дома подходит к креслу, где сложены принесенные ей подарки: (16) — *Инаш, ба фикрам, тӯҳфаи Хосият. Ку, би-нам, чӣ бошад* (АС-83, 19. IV. Солеҳов Ш. Зифат) «Вот (букв. «этот-его»), по-моему, подарок Хосият. Посмотрю-ка, что там такое». В (15) ЭМ *-аш* — ссылка на лезвия, в (16) — на совокупность подарков. Таким образом, ЭМ *-аш* выполняет идентифицирующую функцию, свойственную определенному артиклю, причисляя данный объект или данную разновидность к упомянутому ранее или непосредственно наблюдаемому классу, роду или совокупности объектов¹³.

Думается, что именно на почве идентификации видится субстантивизирующая роль ЭМ *-аш* в подобных моделях, роль, отмечаемая, например, Р. Гаффаровым [22].

X. И, наконец, референция к предшествующему тексту, высказыванию, в частности, к упоминанию данного имени (с которым связано ЭМ *-аш*) в предшествующем тексте, см. пример (1). В настоящей статье мы хотели бы подробнее остановиться на образцах именно такого рода. В них наиболее ярко проявляется параллелизм таджикского ЭМ *-аш* с русскими указательными местоимениями (см. [23, с. 123] о текстообразующей функции русского местоимения *этот*, [19, с. 492, 497, примеч. 11; 20, с. 76]), где в этом плане сопоставляются чешский и русский языки, а также [24] об указательных местоимениях в русских поэтических текстах XIX—XX вв.).

В примере (1) представлена модель в о п р о с и т е л ь н о г о п р е д л о ж е н и я. Его содержание — попытка адресата идентифицировать объект, названный говорящим. Функция ЭМ *-аш* в такой модели — чисто анафорическая («наек назад»). Приведем полностью юмореску Б. Гани «Хамелеон», построенную на разговорной речи. (17) *Муфаттиши Исмоилтагои хамсои моро даъват кард. — Шумо Ятим Низомовро мешиносед? — Мешиносам. — Хонааш дар кучост, медонед? — Медонам. Назод одам хонаи хешашро надонад. — Хӯш, хешу ақрабоширо медонед? — Чӣ хел немедонистчам? — Ана ҳамин хеши шумо, — гуфт муфаттиши, — дирӯз дар сари як чиноят дастгир шудааст, медонед? — Ҳамту-я, — мад кашид Исмоилтаго ва илова кард: — О, истед, ки рафиқ муфаттиши. Ин Ятим Низомоваш кадом, вай дар кучо кор мекунад? — Чашмони муфаттиши чавон калон кушода шуданд* (АС-84, 5.VII. Ғанӣ Б. Бӯқала-

¹² В том числе в сравнительной степени.

¹³ Ср. выраженную паритивность — с исходно-отложительным предлогом у субстантивного антецедента и с ЭМ 3-го л. мн. ч. *-(а)шон*: куляб.-гиссар. *ай писар-бачаҳо бисёр-шон калхос-да кор мекунад* [15, с. 62] «многие из ребят (букв. «из ребят многие их») работают в колхозе».

мун) «Следователь пригласил нашего соседа дядю Исмаила. — Вы знаете Ятима Низамова? — Знаю. — И знаете, где его дом? — Знаю. Кто не знает дома своего родственника? — Хорошо. А его близких знаете? — Еще бы не знать! — А то, что этот самый Ваш родственник, — сказал следователь, — вчера захвачен на месте преступления, это Вы знаете? — Вот так та-ак, — протянул дядя Исмаил и добавил: — Погодите, товарищ следователь. Какой это Ятим Низамов (букв. «этот Ятим Низамов-его который?»), где он работает? — Молодой следователь широко раскрыл глаза.

В предпоследней фразе ЭМ *-аш* идентифицирует имя собственное *Ятим Низамов* по отношению к тексту, отсылая к его (имени) предшествующему упоминанию. По сути дела, здесь можно было бы говорить об использовании ЭМ *-аш* для передачи текстовой определенности, т. е. о близости еще к одной функции определенного артикля. Это подтверждается одновременным факультативным использованием анафорического местоимения *ин* (ин *Ятим Низамоваш*).

Вспомним снова русские обороты с лично-притяжательным местоимением, где *мой, наш, Ваш* выполняют аналогичную (отчасти) функцию. Нам кажется допустимой замена последних на *тот, этот*: *вм. мой старичок — этот старичок.*

Различие русских и таджикских моделей — в выборе притяжательных местоимений (по признаку лица: в русском употребительны местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, в таджикском — ЭМ 3-го лица ед. числа), а также в стилистической (эмоциональной) окрашенности моделей (в таджикском — скорее нейтральной).

Более существенное отличие заключается в том, что в таджикской разговорной речи часто антедент приименного анафорического ЭМ *-аш* — не субстантивный, а предикативный: содержание предшествующего высказывания в целом или его части (в других терминах — пропозиционный компонент [2, с. 28; 3, с. 10, 159, 164]). Русские в подобных случаях употребят не лично-притяжательные местоимения, а указательные¹⁴. *Инспектор ходил по классу, ничего не говоря, а это был дурной знак* (цит. по [18, с. 87]); *Продам мешок огурцов, на эти деньги курицу куплю* (цит. по [2, с. 29]). Нельзя сказать * *на его деньги*. Ср. в таджикской разговорной речи, в рассказе о том, как человек приехал на новое место работы, в колхоз: (18) — *Барои Шумо хонаи истифоматии муносиб нест, — гуфт раис дар идора. — Холо дар хонаи ягон кас, хоҳед дар хонаи ман, зиндагӣ кардан гиред, баъдтар и.юҷаширо меибем* (АС-84, 5.VI. Худойбахш Н. Гилаи айёр) «— Нет для Вас подходящего жилья, — сказал председатель в правлении. — Поживите пока у кого-нибудь, если хотите, у меня, а потом мы найдем выход из положения» (букв. «выход-его»).

Дж. Мурватов, анализируя материал южных таджикских говоров [15, с. 63], пишет: «Энклитическое местоимение 3-го л. ед. ч., присоединяясь к именным частям речи, показывает их связь с мыслью, высказанной ранее (19) — *намеої зардолу бҷини? гуфтъм, чога-ш-а надоръм*¹⁵ «— Ты не пойдешь собирать абрикосы? — Я ответил(а): — У меня нет для этого посуды»; (20) — *аловӣ надоръм, хъдо бъгира беалови-ш-а* «— У меня нет дров, шут бы побрал это дело» (букв. «бездровие-его»).

Заметим, что приводимые Дж. Мурватовым образцы — в нашей ну-

¹⁴ То же — в чешском [20, с. 75], в пберо-романских языках [8, с. 60, 115 сл.].

¹⁵ Там же дается литературный эквивалент диалектной фразе: *Намеої зардолу чинем?* — *Ман ҷавоб додам, барои ин чогаҳ надорам*. При этом диалектному ЭМ *-аш* соответствует литературное указательное местоимение *ин* «это»: южн. *чога-ш-а* букв. «посуду-его», лит. *барои ин чогаҳ* букв. «для этого посуду».

мерации (19) и (20) — различаются между собою по характеру производимой в них кореферентной замены. В (19) только ЭМ *-и-* кореферентно предшествующему высказыванию (т. е. *чога-и* «посуда-его» — это посуда для упоминавшегося собирания абрикосов), тогда как в (20) вся именная группа (*беалови-и*) кореферентна высказыванию (*алови надоръм*); т. е. содержание предшествующего высказывания резюмировано в имени, а ЭМ *-аи* выполняет артиклеобразную функцию, как и в образцах типа *Сафар-аи*, *Ятим Низомов-аи*.

Ниже приводятся некоторые типы контекстов с анафорическим ЭМ *-аи*.

ЭМ *-аи* регулярно появляется в неначальных фразах¹⁶ в таком типе контекста, когда говорящий намерен уточнить, поправить, дополнить, пояснить сказанное, предложить альтернативу и т. п. В этом случае первая фраза начинается с прилагательного субъективной оценки (типа *сахех*, *дуруст*, *рост*, *аниқ* «правильный, точный», *муҳимм* «важный», *аҷиб* «удивительный», *хуб*, *нава* «хороший», *мўл* «обильный») в сопровождении ЭМ *-аи* (*аҷибаш ин ки...* «удивительно то, что...»); то же прилагательное в сравнительной степени + *-аи* [*беҳтараш* («уж лучше», *аниқтараш* «точнее»)]. ЭМ *-аи* здесь — ссылка на предтекст. Примеры. Из «Анекдотов» («Латифаҳо»): (21) *Пассажир аз поезд монд. — Рейси дигар соати чанд ба роҳ мебарояд? — нурсид ӯ аз шӯъбаи маълумотдиҳӣ. — Беҳтараш шумо адресатонро монда равед, мо мактуб менависем — ҷавоб доданд ба ӯ* (АС-84, 13. XII. Подгот. Зиедуллоев М.) «Пассажир отстал от поезда. — В котором часу следующий рейс? — спросил он в столе справок. — Вы лучше (букв. „лучше-его“) оставьте свой адрес, мы (Вам) напишем, — сказали ему в ответ»; (22) *Ҳа, ду сол аст, ки Наҳанг бо хуқ... ва тарзи зиндагии юрмонҳо ошност. Аниқтараш вайро бо юрмонҳо хӯҷаи шинос карда буд* (АС-84, 25. X. Ҳакимов Ғ. Бӯи шир) «Да, вот уже два года, как Наханг (щенок) познакомился с повадками сусликов. Точнее (букв. „точнее-его“), с сусликами его познакомил хозяин»; (23) из личного письма: *... маро бузашед, ки китобаҷаҳои худро барояшон дертар мефиристам. Росташ, фикр мекардам, ки ин навъ дастурҳоро шумоён намехонед, зеро вақт надоретон* «Извините меня за то, что посылаю вам (двоим) свои брошюры с опозданием. По правде сказать, я думал, что вы не читаете такого рода учебные пособия за неимением времени»; (24) *Фотимахон баъди вафоти Гуляфзо ба хонаи Ҳайдар тамоман кӯчида омад. Оӯро ақун яқоя зиндагӣ мекарданд, аммо никоҳи худро дар ЗАГС Ҳанӯз ба расмият надароварда буданд. Дурустам, ин корро Ҳайдар ба аҷиб меҷартофт...* (БШ) «Фатимахон после смерти Гуляфзо совсем переселилась в дом Хайдара. Они теперь жили вместе, однако еще не зарегистрировали свой брак официально в загсе. Вернее, дело затягивал Хайдар...».

Подобные приведенным прилагательные субъективной оценки могут встречаться в тексте без ЭМ *-аи*. Ср., например, ниже, два образца из одного источника — путевых заметок по Франции — в (25) *аҷибаш*, в (26) *аҷиб* «удивительно»: (25) *... Моро дар хуҷраҳои се-чор касеи танг ҷо доданд. Катҳои хоб, монанди купеи вагон, болои ҳам меистоданд. Рафиқон маро иззат карда ба кати поён тобонданд. Аҷибаш ин, ки дар хобгоҳ ҳаммому хочатхона барои занону мардон умумӣ буд* (БШ) «Нас поместили в тесных трех-четырёхместных комнатах. Спальные места, как в вагонном купе, помещались друг над другом. Товарищи оказали мне уважение, по-

¹⁶ Или не в начале фразы — как конкретизация какого-либо слова общего или неопределенного значения.

местив на нижнее место. Удивительно, что в общежитии были общие для женщин и мужчин баня и туалет»: (26) *Дар рӯи ҳавлӣ ду мошини сабукрави «Супер» ва «Ситроен» меистод. Ачиб, ки ду чархи ҷафои «Ситроен» ба ишқамаш гӯтида ба назар наменамуд...* (БШ) «Во дворе стояли две легковые машины, „Супер“ и „Ситроен“. Удивительно, что два задних колеса „Ситроена“, втянутые в его брюхо, не были видны...».

В (26) *ачиб* не поясняет предшествующий текст, а вводит мысль, достаточную автономную, тогда как в (25) *ачибаш* обеспечивает более тесную связь двух фраз.

В приведенных образцах *ачибаш*, *ростаи* и др. преимущественно выступают в качестве вводного слова. Используются и другие модели, например: *ачибаш ин/он ки...* «удивительно то, что...», *ачибаш боз ин буд ки...* «удивительным было еще то, что...». В таких моделях связь с предшествующим текстом обеспечивается анафорическим ЭМ -аш, а связь с последующим текстом — катафорическим указательным местоимением *ин/он*.

Аналогичным образом, ЭМ -аш используется в непервой фразе текста, если эта фраза является выводом, умозаключением на основе предшествующего текста или предположением по поводу вышеизложенного. Мы имеем в виду обороты с вводно-модальными словами типа *аслаш* «в сущности, по сути дела» (лит. *асли қор*, *дар асл* — *асл* «суть, существо»); (*аз афташ* (ср. лит. *аз афти қор*) «очевидно, по-видимому, наверно» (*афт* «лицо, внешность, вид»); бухар. *ачоқаш* «наверно» (*ачоқ* < *аз чоқ*, где *чоқ* «предположение»). Примеры: (27) *...ба худ меғуфт: — Хуррам маро дӯст медошт, дили ман ҳам аз байни ҷавонони деҳа ба вай моил буд, ..., аммо чӣ кунам, ки тақдир нарафта будааст... Аслаш, дугонаҳоям сабаб шуданд* (АС-84, 16. II. Фирӯз Б. Ташнағӣ) «...она говорила себе: — Хуррам любил меня и я отличала его среди юношей деревни, ..., но что делать, если не судьба.... В сущности, причиной были мои подружки»; (28) *Дар боло гунҷишқон чирқи-чирқи мекунад. Аз афташ, дар шоғаҳои дӯлона нишастаанд* (МВ) «Вверху (над головой человека, висящего над пропастью. — М. Е.) чиркают воробьи. Наверно, они сидят на ветках боярышника»; (29) бухар. *ин кас наомадан имрӯз. Ачоқаш, шавҳарашон омадаген* «Она сегодня не пришла. Наверно, приехал ее муж».

Наконец, ЭМ -аш в *майлаш* «ладно, идет» — при испрашивании (говорящим) или изъявлении (адресатом или говорящим) согласия, одобрения, подтверждения. В таком значении имя *майл* («желание, склонность») без ЭМ не употребляется. Примеры. Девочка обращается к матери: (30) — *Оча, рӯзи бозор Қалъаи Ҳисор, равам, майлаш?* (ЭА) «Мама, я поеду в базарный день в Гиссарскую крепость, хорошо?». Из «Анекдотов»: (31) — *Модарҷон, ба ман ягон афсона нақл кунед! — илтимос намуд Лола из модараш. — Майлаш гӯш кун. Буд набуд духтараке буд...* (АС-84, 13. XII. Подгот. Зиёдуллоев М.) «Мамочка, расскажи мне сказку! — просит Лола. — Ладно, слушай, Жила-была одна девочка...». Сцена на экзамене (между преподавателем и студентом): (32) *...муаллим хавотир шуда гуфт: — Ҳа, саволҳо ноҷинос-мӣ? Майлаш, дигар билет гир* (БШ) «...преподаватель сказал озабоченно: — Так, не знаешь вопросов? Ладно, бери другой билет». Дети уговаривают мать ехать с ними за город отдыхать. Мать соглашается, думая: (33) *Бо рафтани ман димоқашон чоқ мешуда бошад, майлаш, мееравам* (АС-84, 18. X. Муҳаммадиев Ф. Эй санам!) «Если у них от того, что я поеду, будет хорошее настроение, так и быть, поеду».

В (30) и (31) ЭМ -аш в *майлаш* — ссылка на предтекст, в (32) и (33)

можно, как кажется, говорить о катафоре *-аш*: согласен на замену билета; согласна на то, чтобы поехать ¹⁷.

Высказывалось мнение об идиоматичности *майлаш* [16, с. 552]. По-видимому, поводом для этого послужила неочевидная референтная отнесенность ЭМ *-аш* Ср. иную отнесенность (к собеседнику/-ам), т. е. собственно притяжательное значение у ЭМ 2-го л. *-ат* (ед. ч.), *-атон* (мн. ч.) в сочетаниях *майлат*, *майлатон* «ладно» букв. «воля твоя, Ваша/ваша» ¹⁸. Эти сочетания встречаются в разговорной речи при изъяснении согласия в ответных репликах. Примеры: (34) — *Шодмон, хўрок хўрем-чи, то сар шудани кино хеле вақт ҳаст.* — *Пас ба дуҳтар рўй овард.* — *Чӣ гуфти, Мадина?... — Майлат, агар зиёфат аз ҳисоби Шодмон шавад, — хандида гуфт ӯ* (СП-84, № 1. Мирзоев К. Шабе дар Кабудҷар) «— Шодмон, что если мы поедим — до начала кино еще много времени. — Затем он повернулся к девушке. — Что скажешь, Мадина?... — Согласна (букв. «воля твоя»), если угощение будет за счет Шодмона, — засмеялась она»; (35) — *Мебахшӣ, ҷиян. Ман аз ту як ҷизро пурсиданӣ.* — *Майлатон, амак, пурсидан гиред* (ОИ) — Извини, племянник, я хотел у тебя спросить одну вещь. — Пожалуйста (букв. «воля Ваша»), дядя, спрашивайте».

Встречается также форма *майлашон* (ЭМ *-ашон* 3-го л. мн. ч.) с референцей к субъекту: «пусть их» (букв. «воля их»).

Во всех этих случаях допустима замена *майлат*, *майлатон*, *майлашон* на *майлаш* как форму, нейтрализованную по признаку лица; с точки зрения речевого этикета *майлаш* воспринимается как вариант сравнительно менее вежливый.

См. сходное с *майлаш* по смыслу и форме употребление *изтиёраш* «пускай, пусть» (*изтиёр* «воля, выбор»), например, в следующей ситуации. В самолете международного рейса пассажирам разносят завтрак, включающий малую дозу коньяка. Мусульманские паломники (хаджи) отказываются от вина, а сопровождающий их врач думает: (36) *Хеле хуб. 17 хоҷи нанӯшад, изтиёраш. 18-умаш менӯшад. Шояд ки зоби гурезон пас ояд* (МД) «Очень хорошо. 17 хаджи пусть не пьют, а 18-й выпьет. Может быть, хоть удастся заснуть».

Возможно (при обращении к собеседнику/-ам) употребление *изтиёр* с ЭМ *-атон* (2-е л. мн. ч.): *изтиёратон* «как хотите, воля ваша/Ваша» (ср. выше *майлатон*).

Поэтому можно говорить скорее о лексикализации, чем об идиоматизации *майлаш*.

В обзорной статье, посвященной проблемам референции, Н. Д. Арутюнова пишет (в связи с разграничением теории значения и теории референции): «Теорию референции интересует „возвращение“ языка к действительности, ее беспокоит вопрос о том, как значимые единицы языка прилегают к миру, благодаря чему они могут понятным для адресата образом идентифицировать предметы» [1, с. 11].

¹⁷ Приблизительным эквивалентом тадж. *майлаш* в русском, кроме *ладно*, *хорошо*, *идет*, можно считать выражение *так и быть* (в ответной реплике), содержащее так называемую проформу *так* (местоименную замену пред- или посттекста).

¹⁸ Ср. сходную картину в узбекском языке: с одной стороны, *майли* (с афф. принадл. 3-го л. *-и*) «ладно, хорошо» — при ссылке на пред- (или пост-) текст, с другой стороны, *майлинг* (с афф. принадл. 2-го л. ед. ч.) «как хочешь, воля твоя», *майлингиз* (с афф. принадл. 2-го л. мн. ч.) «как хотите, воля ваша/Ваша». Аналогично в узб. *чама-си* и *чама-и-да* «вероятно» (*чама* «предположение», *-си* — афф. принадл. 3-го л., *-и* — афф. принадл. 1-го л. ед. ч., *-да* — афф. местного падежа). Ср.: *Чамаси биз ютсақ керак* «Вероятно, мы победим» и *Чамамда биз ютсақ керак* «Вероятно (я полагаю), мы победим» (узбекские примеры любезно сообщены А. Б. Джураевым).

Конкретный материал таджикской разговорной речи свидетельствует, в частности, что в определенных типах контекстов (и конситуаций) приименное лично-притяжательное энклитическое местоимение *-аш* употребляется не-лично и не-притяжательно. Принадлежность или отнесенность к лицу трансформировалась здесь в отнесенность к предшествующему или, реже, последующему тексту (частный случай — к предшествующему упоминанию имени, которому ЭМ *-аш* суффицируется).

Используясь анафорически (реже катафорически), ЭМ *-аш* сужает, ограничивает область референции имени (которому суффицируется) и, таким образом, служит его «уточнителем» [1, с. 18], актуализатором. См. употребление ЭМ *-аш* в связи с очень конкретными обстоятельствами: (37) ...*Ростаиро гуй: ман ба ту маъзул?* (ЭА) «Скажи правду (*рост*): я нравлюсь тебе?»

Как любое анафорическое (или катафорическое) местоимение, ЭМ *-аш* служит указанием на пред- или постинформацию и тем самым связывает части текста между собой. Наиболее отчетливо это проявляется в таджикской разговорной речи там, где antecedентом ЭМ *-аш* является предшествующее высказывание в целом. Например, в (21)—(25) ЭМ *-аш* обеспечивает межфразовую связь пояснительного типа и может считаться формальным средством ее выражения.

Начав статью сопоставлением ЭМ *-аш* с русскими личными притяжательными местоимениями, мы заканчиваем ее сопоставлением с русскими указательными местоимениями.

Е. В. Падучева проводит разграничение между русским субстантивным местоимением *это* и частицей *это*. Основные критерии разграничения: 1) наличие у местоимения *это* antecedента либо обозначение им внеязыкового объекта или ситуации; 2) статус самостоятельного члена предложения у местоимения — и отсутствие таких признаков у частицы *это*. У местоимения *это* Е. В. Падучева различает самостоятельные и служебные синтаксические функции, относя к служебным те употребления *это*, «где анафорическая связь, в которую вступает *это*, входит в число средств структурной организации предложения» [18, с. 84].

Руководствуясь этими критериями, рассмотрим к таджикскому ЭМ *-аш*. С одной стороны (и это отразилось в его номенклатуре: «местоименная энклитика», «местоименный суффикс»), оно не является отдельным членом предложения, примыкая в рассматриваемых нами случаях к имени (существительному, прилагательному, местоимению), и, следовательно, не принимает на себя ударения, что, по Падучевой, является «внешним различием», хотя и неусойчивым, между местоимением и частицей¹⁹. С другой стороны, ЭМ *-аш* имеет antecedент, субстантивный или предикативный, хотя это и не во всех случаях одинаково очевидно.

Что касается синтаксических функций, то, как было показано выше, можно говорить об ЭМ *-аш* как средстве структурной организации сверхфразового единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982.
2. Падучева Е. В. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1982.

¹⁹ Безударность ЭМ *-аш* в таджикской разговорной, особенно диалектной, речи не абсолютна. Этот вопрос исследован явно недостаточно.

3. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
4. Толковый словарь русского языка. Под ред. Ушакова Д. Н. Т. I. М., 1935; Т. II. М., 1938; Т. IV. М., 1940.
5. Грамматика русского языка. Под ред. Виноградова В. В. Т. I. М., 1952.
6. Словарь русского языка. 2-е изд. Под ред. Евгеньевой А. П. Т. I. М., 1981; Т. II. М., 1982; Т. IV. М., 1984.
7. *Селиверстова О. Н.* Экзистенциальность и possessивность в языке и речи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1982, с. 26.
8. *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика местоимений (На материале иберо-романских языков). М., 1974.
9. *Цивьян Т. В.* Об одном аспекте possessивности и способах его выражения в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языковедение. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
10. *Капанадзе Л. А.* Номинация. — В кн.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 437.
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 13-е изд. Под ред. Шведовой Н. Ю. М., 1981, с. 703, 63, 351.
12. *Расторгуева В. С.* Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5. М., 1963, с. 30.
13. *Богоград Ю. И.* Рогские говоры таджикского языка. — Тр. Ин-та языковедения АН СССР, 1956, т. VI, с. 147.
14. *Керимова А. А.* Говор таджиков Бухары. М., 1959, с. 27.
15. *Мурватов Ч.* Чонишин. — В кн.: Шеваи чадубии забони тоҷикӣ. Морфология. Ҷ. 2. Душанбе, 1979.
16. *Неменова Р. Л.* Краткий очерк грамматики таджикского языка. — В кн.: Краткий таджикско-русский словарь. Сост. Калонтаров Я. И. М., 1955.
17. *Сидев Б.* Чонишин. — В кн.: Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷикӣ. Ҷ. 1. Мухаррирони маъсул: Рустамов Ш., Гаффаров Р. Душанбе, 1985, с. 162.
18. *Падучева Е. В.* Значение и синтаксические функции слова *это*. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
19. *Адамец П.* К вопросу о выражении референциальной соотносительности в чешском и русском языках. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
20. *Адамец П.* Различия в выражении анафорических отношений между русским и чешским языками. — Русский язык за рубежом, 1984, № 5.
21. Краткий таджикско-русский словарь. Сост. Калонтаров Я. И. М., 1955, с. 208.
22. *Гаффаров Р.* Шеваи чадубии забони тоҷикӣ. Ҷ. 3. Душанбе, 1979, с. 38—39.
23. *Ревзин И. И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
24. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. Гл. III. Местоименная поэтика. М., 1986.